

ледельческим населением Восточной Европы во все эпохи, обратив особое внимание на связи с древними славянами.

3. Приступить к систематическому изучению культуры неолита и бронзы.

4. Усилить внимание к изучению истории древних племен — киммерийцев, тавров, синдов, меотов, сарматов и др.

5. Продолжить изучение греческих городов и сельских поселений, обратив особое внимание на вопросы городского и сельского хозяйства, социальные отношения и классовую борьбу.

6. Продолжить изучение скифского государства в Крыму.

7. Рассмотреть и дать исследования о римской оккупации в Крыму.

8. На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов, как варианта реакционной норманистской теории.

9. Изучить конкретные формы перехода от рабовладельческой формации к феодальной в Крыму.

10. Широко и разносторонне изучать историю проникновения славян и славянских поселений в Крым.

11. Приступить к систематическому и широкому изучению Тмутараканского княжества и связей его с другими русскими землями.

12. Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма.

Развернуть работы Тмутараканской экспедиции по изучению славянских древностей Таманского полуострова и Крыма.

При проведении всех экспедиций руководствоваться принципом комплексности...».

Не может быть никакого сомнения в том, что сессия по истории Крыма явилась значительным шагом вперед в деле разработки подлинно-научной, марксистско-ленинской истории народов и племен Северного Причерноморья.

Я. Л.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ВДИ № 4 за 1951 г. помещена рецензия А. Я. Брюсова на мою работу о неолите Прибайкалья.

Читая эту рецензию А. Я. Брюсова, нетрудно увидеть, что ее цели выходят далеко за пределы критики моей работы, что в ней развивается определенная система взглядов. А. Я. Брюсов утверждает, что моя работа якобы не является историческим исследованием, а содержит только материалы и неправильные, с его точки зрения, взгляды. Первая часть этого утверждения просто не соответствует действительности. В данной работе, являющейся результатом двадцати с лишним лет исследовательского изучения неолита Прибайкалья, впервые в монографической форме представлена историография вопроса, дан детальный источниковедческий анализ фактов, подробно изложена история развития производительных сил и хозяйства, общественных отношений, верований, искусства этого времени, т. е. по мере возможности в связном изложении показана история производителей материальных благ. В разработке этих сложных проблем есть, конечно, дискуссионные моменты и требующие дальнейшего дополнительного изучения гипотезы, но от этого, — я думаю, — моя работа не теряет качеств исторического исследования, тем более, что речь идет о малоизученных вопросах. Касаясь второй части утверждений А. Я. Брюсова, следует рассмотреть, какие взгляды он предлагает в з а м е н моих, какой, по е г о м н е н и ю, должна быть «собственно история»? Брюсов фактически требует ограничения исторических исследований передвижениями и столкновениями этнических групп. Важность изучения передвижений племен и народов бесспорна. А. Я. Брюсов должен знать мои работы, где ставились эти вопросы. Однако в данном случае я не вижу фактических оснований, чтобы объяснять смену этапов прибайкальского неолита сменами населения, как хочет А. Брюсов.

Требования А. Брюсова, на которых основана общая оценка моей работы как «неисторической», имеют совершенно неприемлемый характер, так как в них выражена точка зрения буржуазной реакционной науки, стремящейся целиком подменить изучение истории вульгарно-миграционистскими построениями.

А. Я. Брюсов хочет, далее, приписать мне склонность к скачкам и даже взрывам. Это тоже несправедливо. Основным для всей моей работы является, наоборот, положение о последовательном и непрерывном развитии культуры в Прибайкалье, начиная с палеолита (стр. 96, 150, 180—184 и др.). Что же касается конкретно раннего неолита или мезолита, то и здесь у меня речь идет об эволюции культуры, о непродолжительном по сравнению с другими, но определенном этапе (стр. 162). В то же время А. Я. Брюсов ставит вообще знак равенства между скачком и взрывом, т. е. грубо искажает ясное марксистское положение о скачках и взрывах.

А. Я. Брюсов возражает также против моей попытки понять верования древнего населения тайги на широком историческом фоне, найти в них отражение общих закономерностей развития первобытной религии. Критически пересматривая свои прежние взгляды, преодолевая влияние вульгаризаторских концепций Н. Я. Марра, я стремился идти по пути, указанному классиками марксизма (стр. 287 сл., 301, 305, 352 сл.). В частности, я прослеживал на большом фактическом материале развитие отмеченного ими культа природы, конкретные олицетворения природы. В этих целях мною были использованы отрицавшиеся Н. Я. Марром достижения сравнительной мифологии, выросшей на почве сравнительного языкознания (стр. 306—310). При этом я вовсе не игнорировал, как неправильно утверждает А. Я. Брюсов, конкретное разнообразие верований различных народов. Напротив, даже и в самых древних, наиболее общих в силу их примитивности, элементах я показываю конкретные особенности олицетворения неба, земли и т. д. в образе л о с я у таежных охотников, п т и цы — у номадов Аравии, б ы к а — у скотоводов и даже л о т о с а — в Индии.

Отрицание А. Я. Брюсовым общих черт и закономерностей в развитии первобытной религии — путь не марксистский. Именно по нему идут, как известно, такие буржуазные реакционеры, как расист Фробениус, как католическая «культурно-историческая школа», с которыми по мере сил я борюсь (стр. 48 сл., 117, 192, 271, 288), чего не отмечает Брюсов. По этому же пути идут сторонники Рикерта, стремящиеся противопоставить марксистскому пониманию истории полное отрицание закономерностей, сводящие ее к хаосу случайностей, к «свободной игре воли и духа».

С особой энергией выступает А. Я. Брюсов против приписанного мне им самим тезиса о «мировой культурной гегемонии Прибайкалья» в каменном веке. Это абсурдное утверждение не соответствует действительности. На самом деле у меня речь идет о конкретном своеобразии и неравномерности темпов развития Прибайкалья в каменной веке. А. Я. Брюсов не опровергнул мои положения о том, что в Сибири еще в палеолите возникают некоторые элементы неолита, что в неолите здесь рано возникает лук усиленного типа, созданный не гением лесных племен, а их специфическими нуждами, что здесь рано складывается своеобразная и достаточно сложная для того времени культура лесных охотников. Вместо этого он вырвал эти положения из контекста, отбросив самое главное: мою мысль о том, что неолитическая культура Прибайкалья сложилась в конкретных условиях жизни охотников и рыболовов, а потому и осталась ограниченной этими условиями, что ее носители так и не поднялись выше первобытных форм хозяйства и быта, тогда как другие, передовые, народы резко опередили их и стали поэтому источником прогрессивного влияния на жителей лесов.

Однако, игнорируя все это, А. Я. Брюсов пишет, будто бы Окладников в своем «акафисте» серовскому луку утверждает, что «ни одно из всех известных нам сейчас изделий на земном шаре» не достигло такого совершенства, как неолитические серовские луки. На самом же деле у меня сказано другое. Я писал, что серовский лук усиленного типа «самый древний и самый совершенный в своем роде из всех известных нам сейчас т а к и х изделий на земном шаре» (стр. 229). А. Я. Брюсов вычеркнул слово « т а к и х » и на этом основании приписал мне сочиненный им тезис о превосходстве серовского лука над всеми вообще изделиями в мире. Продолжая действовать

таким же образом и дальше, он пишет: «пример с серовскими луками показывает, каким путем автор и в дальнейшем использует другие находки в серовских погребениях, чтобы доказывать ведущую роль в мировой культуре неолитических племен Прибайкалья». Чтобы показать мою настоящую мысль, я приведу выброшенный рецензентом остаток изуродованной фразы, из которой вырваны искаженные им мои слова о луке. Здесь говорится: «на территории лесного Прибайкалья... охота на диких животных попрежнему оставалась основным занятием... Поэтому прогрессивные изменения в хозяйстве не шли здесь дальше улучшения частных форм хозяйства и материальной культуры, ограничиваясь дальнейшим усовершенствованием охотничьих приемов и вооружения. Именно по данной причине в условиях высокоразвитой охотничьей культуры лесных племен и достигает столь высокого расцвета главное охотничье оружие того времени — лук и стрелы» (стр. 229). Причем тут мнимая «ведущая роль неолитического Прибайкалья в мировой истории», которую так настойчиво пытается приписать мне А. Я. Брюсов?

Так же поступил рецензент и с моей фразой на последней странице книги о том, что «передовая группа лесных племен Прибайкалья уже находилась в общении с ранне-скотоводческими племенами». Рецензент оторвал от нее первые четыре слова, а затем истолковал их в таком смысле, что байкальские племена якобы были передовыми по отношению ко всему остальному миру. Между тем, на этой же странице и определенно говорится, что они были передовыми только по отношению к их «более северным и восточным соседям», а само это передовое положение объясняется тем, что жители Прибайкалья испытывали прогрессивное влияние со стороны южных и западных стран, в первую очередь степных, где в то время «назревают события огромного исторического значения» (стр. 411).

Полностью учитывая своеобразие исторического пути северных народов, определившего их отсталость, избегая какого бы то ни было необоснованного преувеличения их скромной исторической роли и относительно весьма ограниченных по масштабам культурно-исторических заслуг, я не считал себя вправе отказывать им, — этой и без того в прошлом обиженной судьбой части человечества, — в признании права на посильное участие в истории (стр. 6—8). Я стремился показать на конкретных фактах, что народы нашего Севера тоже имеют историю, а не являются «внеисторическими», как утверждают идеологи империализма — расисты. Я исходил из известного положения И. В. Сталина о нашей советской точке зрения на взаимоотношения между большими и малыми нациями, о специфическом вкладе каждой из них в общую сокровищницу мировой культуры.

Судя по рецензии, А. Я. Брюсов исходил из противоположных взглядов, ибо иначе, зачем ему нужно было так настойчиво стремиться максимально снизить культуру лесных племен, лишить их даже и тех очень скромных, очень ограниченных на фоне всемирной истории достижений, о которых идет речь в моей работе? Остается только удивляться, что А. Я. Брюсов пошел по этому пути в полемике относительно байкальского неолита и пожалеть, что он зашел так далеко.

А. Окладников

От редакции. Дополнительно проверив содержание рецензии А. Я. Брюсова и «Письма» А. П. Окладникова, редакция ВДИ отмечает, что в рецензии А. Я. Брюсова действительно было неточно процитировано одно место из рецензируемой книги (стр. 229). Прочие утверждения А. П. Окладникова после проверки не подтвердились. Рецензент, в частности, нигде не упрекал автора книги в том, что его «работа якобы не является историческим исследованием». По основному вопросу рецензии — об историческом месте неолита Прибайкалья — А. П. Окладников не привел никаких фактов, которые смогли бы опровергнуть утверждения рецензента о преувеличении автором роли Прибайкалья.